

ПРЕПОДОБНЫЙ

ІОАСАФЪ КАМЕНСКІЙ,

ВЪ МІРѢ КНЯЗЬ АНДРЕЙ

ВОЛОГОДСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Свящ. І. Вѣрюжскаго.

В О Л О Г Д А.

Печатано въ типографіи В. А. Гудкова-Бѣлякова.

1 8 7 9.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЮАСАФЪ

КАМЕНСКІЙ.

На Кубенскомъ озерѣ, неподалеку отъ сѣверозападнаго его берега, находится маленькій островъ, не имѣющій даже и одной десятины пространства, называемый Каменнымъ. Эта горсть земли, на которой нынѣ устроенъ маякъ, какъ будто для того именно и брошена природою въ бурныя волны озера на самомъ опасномъ мѣстѣ, ¹⁾ чтобы служить почти единственнымъ удобнымъ пристанищемъ для плавающихъ. Далеко видно Каменный со всѣхъ сторонъ Кубенскаго озера, его бѣлѣющія монастырскія зданія ²⁾ представляются какъ бы плавающими по гладкой поверхности водъ, а возвышающіеся амфитеатромъ, зеленѣющіе, волнистые берега озера, со множествомъ на нихъ селъ и деревень, красивыхъ и

1.) По причинѣ мелководья, низменныхъ и открытыхъ вѣтрамъ береговъ озера.

2.) На самой срединѣ острова возвышается двухъэтажный пятиглавый храмъ Преображенія Господня съ премыкающими къ нему съ запада колокольнею и трехъэтажнымъ братскимъ корпусомъ, — остатокъ и памятникъ знаменитаго въ древности Спасокаменнаго монастыря, нынѣ утратившаго даже имя свое въ официальныхъ бумагамъ и называемаго Бѣлавинскою пустынею.

высокихъ колоколенъ, дополняютъ картину и дѣлаютъ видъ монастыря еще прекраснѣе.

Не безынтересенъ Каменный и для любителей отечественной исторіи. Здѣсь 6-го Августа 1260 года обрѣлъ себѣ спасеніе отъ бури князь Глѣбъ Васильковичъ и въ благодарность Богу за свое спасеніе построилъ храмъ Спаса Преображенья, давшій названіе всему острову; отправившись отсюда, онъ приказалъ прорыть каналы на рѣкахъ Сухонѣ и Вологдѣ и тѣмъ положилъ начало улучшенію естественныхъ путей сообщенія въ то время, когда еще никто не думалъ о томъ въ Европѣ. Здѣсь Темный нашелъ себѣ дорогу къ потерянному имъ великокняжескому престолу;— юный Іоаннъ III, по возвращеніи изъ Кокшениги, благодарилъ Бога и праздновалъ свою побѣду надъ войсками Шемяки, а братъ его Андрей Васильевичъ ³⁾ въ 1481 году построилъ первый за Волгою, донинѣ существующій каменный храмъ Преображенія, доставляя для того кирпичъ изъ Твери и Старицы. Въ 1528 году пріѣзжалъ на Каменный в. князь Василій Ивановичъ со второю своею супругою Еленою, далъ денегъ на построеніе теплой церкви и милостыню велію и потѣшеніи братіи, прося ихъ исходатайствовать ему у Бога наслѣдника. Сынъ его Грозный также оказывалъ свое благоволеніе Каменному: далъ жалованную грамоту, послалъ колоколь, но самъ не былъ въ монастырѣ по причинѣ погоды на озерѣ, хотя, во время своего путешествія по Вологодскимъ монастырямъ, былъ недалеко отъ него въ селѣ Устьѣ. Надобно полагать, что и Петръ 1-й, когда былъ на Кубенскомъ озерѣ для изслѣдованія его глубины и удобства для навигаціи, также былъ на немъ, какъ лучшей пристани на озерѣ.

Но несравненно выше и важнѣе значеніе Каменнаго

---

3) Единственный князь, назвавшійся Вологодскимъ, въ отличіе отъ брата своего Андрея Васильевича Угличскаго.

монастыря въ духовно-нравственномъ отношеніи: еще болѣе знаменитъ и славенъ онъ жизнію и подвигами своихъ иноковъ. И дѣйствительно, что за чудное, святое мѣсто былъ этотъ маленькій островокъ, какой воспиталъ онъ на себѣ многочисленный сомнѣ великихъ подвижниковъ и угодниковъ Божиихъ! Кажется, каждая пядь земли на немъ истоптана была ихъ ногами, каждый камень и травинка орошены потомъ и слезами постническими. Онъ былъ истинно маякомъ вѣры Христовой для прибрежныхъ жителей, погруженныхъ во мракъ язычества, — свѣтильникомъ, просвѣщавшимъ и согрѣвавшимъ сердца современниковъ свѣтомъ добродѣтелей своихъ подвижниковъ, — колыбелью и разсадникомъ пастырей церкви, основателемъ монастырей и великихъ подвижниковъ; — онъ и донынѣ служитъ тихимъ и мирнымъ пристанищемъ для пловцовъ бурнаго моря житейскаго, ищущихъ себѣ въ тишинѣ иноческой кельи успокоенія отъ тревоженій житейскихъ.

Съ самаго перваго разу, лишь только Каменный островъ дѣлается извѣстнымъ въ исторіи, ⁴⁾ мы видимъ на немъ 23 старцевъ, уже состарѣвшихся въ духовныхъ подвигахъ и много лѣтъ подвизавшихся въ обращеніи ко Христу корельскихъ и чудскихъ языческихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверовосточномъ берегу озера. Старцы были столь смиренны, столь нищи духомъ и тѣломъ, что не имѣли даже церкви и совершали свои молитвы въ малой и бѣдной часовнѣ, стараясь не объ устройствѣ вещественнаго храма, а о томъ, чтобы имъ самимъ сдѣлаться живыми, одушевленными храмами св. Духа. Мала, незрачна была ихъ часовня, часто недоставало въ ней ни свѣчь, ни ладону; но постническія лица старцевъ сіяли духовною радостію и, подобно оиміаму, непрестанно возносились къ небу ихъ молитвы и воздыханія. Ни завыванія и свистъ бури не возмущали ихъ душевнаго

4) Островъ былъ открытъ въ 1260 г. княземъ Глѣбомъ, занесеннымъ сюда бурей. См. выше.

спокойствія, ни пѣнящіяся волны и страшныя громады льдовъ, порою возносящіяся выше ихъ смиренныхъ келій, ⁵⁾ не охлаждали жара сердець ихъ и любви къ Богу,—ни наконецъ ненависть, угрозы и нападенія язычниковъ не сильны были поколебать ихъ терпѣнія и апостольской ревности къ проповѣди евангелія. Таковы были первые обитатели Каменнаго острова, подъ руководствомъ одного старца изъ своей среды Θεодора и при помощи князя Глѣба Васильковича положивше основаніе Спасокаменнаго монастыря!

Безъ всякаго сомнѣнія и послѣ блаженной кончины преподобныхъ первоначальниковъ, основателей обители, были въ ней люди, проникнутые ихъ духомъ,—святые подвижники, вѣрные обѣтамъ иночества; хотя имена ихъ и остались неизвѣстны, такъ какъ, по случаю неоднократныхъ пожаровъ обители, отъ самаго ея основанія до княженія Дмитрія Донскаго, не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній о подвижникахъ этого монастыря. ⁶⁾ При этомъ государѣ пришелъ въ Москву изъ Царьграда аѳонскій постриженникъ Діонисій, былъ благосклонно принятъ в. княземъ и получилъ отъ него для жительства келью въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, а какъ вскорѣ послѣ этого пришли въ Москву старцы Спасокаменнаго монастыря просить себѣ игумена, то в. князь и послалъ имъ въ игумены святогорца. Много лѣтъ Діонисій управлялъ обителію, изнурялъ тѣло свое непрестанными трудами и постомъ, приходилъ всякій путь добродѣтели, непрестанно назидая братію своею подвижническою жизнію и ученіемъ. Онъ благолѣпно украсилъ церкви святыми иконами,

---

5) Въ 1833 году напоромъ льда вытѣснило изъ воды и забросило на крышу трехъ-этажнаго братскаго корпуса огромный камень, вѣсомъ болѣе 500 пудовъ. Въ 1837 году льдомъ выбило стекла въ третьемъ этажѣ этого же корпуса.

6) Кромѣ одного извѣстія объ игуменѣ Каменнаго монастыря Григорій, который 14 Марта 1396 года за добродѣтельную жизнь былъ возведенъ на ростовскій архіепископскій престолъ.

обогатилъ книгами и прочею церковною утварью, устроилъ все необходимое для общежитія и ввелъ въ монастырѣ строгій уставъ святой горы, которымъ между прочимъ запрещается входъ въ него лицамъ женскаго пола. «И проходилаше слава о немъ повсюду, даже и до самодержца и стекахуся къ нему отъ всюду, хотяще сожителъствовати съ нимъ, ревнующе доброму произволенію его и братіи множество собра» — говоритъ Паисій Ярославовъ въ своемъ сказаніи о началѣ Каменнаго монастыря. Отъ его руки, въ числѣ другихъ, приняли постриженіе, подъ его отеческимъ руководствомъ начали подвизаться и — много лѣтъ служили украшеніемъ братіи преподобные: Діонисій Глушицкій, Пахомій Святолуцкій, Александръ Кушитскій и Евфимій Сямженскій, пока не достигли зрѣлости духовнаго возраста и сами не сдѣлались основателями новыхъ обителей. Около этого же времени подвизались въ монастырѣ почивающіе въ немъ угодники Божіи: Петръ чудотворецъ (въ началѣ XV вѣка) и Василій блаженный. 7) Въ началѣ XV вѣка, игумень Діонисій рукоположенъ былъ въ архіепископа ростовскаго, тамъ скончался и погребенъ, оставивъ по себѣ святую память; въ половинѣ того же вѣка на пустынномъ Каменномъ островѣ возсіялъ новый духовный свѣтильникъ *игумень Кассіанъ*. Принявъ постриженіе на Каменномъ, онъ въ молодости, для лучшаго изученія иноческой жизни, путешествовалъ по монастырямъ, славившимся

7.) Мощи св. Василія блаженнаго почиваютъ въ нижней церкви во имя св. Василія блаженнаго, Московскаго чудотворца, въ правомъ западномъ углу, въ особой палатѣ. Надъ ними устроена металлическая рака, на которой вверху положенъ образъ святого во весь ростъ. При ней находятся тяжелыя желѣзныя вереги и шапка изъ желѣзныхъ полосъ. Въ 1774 году, когда во время пожара сгорѣло все, что могло горѣть, бывшая тогда надъ мощами угодника еще деревянная рака и образъ на ней остались неприкосновенными, хотя вся гробовая палатка его наполнена была дымомъ и пламенемъ. Память блаженнаго Василія совершается въ обители 2 Августа, въ день его тевоименитства.

строгостію уставовъ, благочестіемъ и подвигами иноковъ и, подобно пчелѣ, отовсюду извлекалъ полезное для своей души. Съ этою цѣлію еще при жизни пр. Кирилла прибывъ на Бѣлоозеро, онъ долго оставался въ его монастырѣ и съ такимъ усердіемъ старался во всемъ подражать великому наставнику Кириллу что впоследствии избранъ былъ братією въ игумена. По своимъ добродѣтелямъ онъ скоро сталъ извѣстенъ в. князю Василію Васильевичу и митрополиту Іонѣ. Какъ самый способный и благонадежный, онъ дважды былъ посылаемъ пми въ Царьградъ къ патріарху по дѣламъ церковнымъ; но и среди шума столицъ, при вниманіи и почестяхъ отъ государя и первосвятителей, не могъ забыть преподобный мѣста своего постриженія и сердце его постоянно стремилось къ тишинѣ пустыннаго отока. ⁸⁾ По этому, исправивъ данныя ему порученія, онъ просилъ государя и митрополита отпустить его на свое обѣщаніе, на Каменный. Просьба его была исполнена: онъ съ честію, со многими дарами для обители отпущенъ былъ туда игуменомъ. Прибывъ на Каменный, пр. Кассіанъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, изнуренное трудами и путешествіями здоровье, не предался покою и отдохновенію; но показывая собою примѣръ братіи, съ жаромъ юности, съ неутомимою ревностію принялся за управленіе многолюдною обителію. Оттого и братія имѣла къ нему такую любовь и довѣренность, какъ къ отцу, и смотрѣли на него, какъ на ангела Божія. Достигши глубокой старости и предчувствуя свою кончину, онъ причастился св. Таинъ, преподавъ братіи миръ и благословеніе, и тихо и мирно скончался. «И положено бысть тѣло его съ полуденною страну церкви и по представленіи его просвѣтися лице его аки солнце.» Кончина пр. Кассіана послѣдовала уже при

8.) То есть острова. Елика потружався во отоцѣ окіанстѣмъ. Прол. Апр. 17. Словарь церковно-слав. и русскаго языка импер. академіи наукъ т. III—IV, 1869 г. буква О.

в. князь Иванъ Васильевичъ около 1460 г. Нынѣ мощи его почиваютъ подлѣ сѣверной стѣны нижняго южнаго при-дѣла церкви и надъ ними устроена гробница, покрытая пеленою, а на ней поставленъ образъ преподобнаго. Въ той же церкви полагаютъ мѣсто погребенія и Петра чудотворца.

Но всѣхъ болѣе прославилъ Каменный монастырь подвижникъ юноша, скончавшійся вмалѣ и исполнившій лѣта долга (Прем. IV, 13), пр. Иоасафъ Каменскій, знаменитый по своему высокому происхожденію и еще болѣе славный по высотѣ своихъ добродѣтелей и равно---ангельской жизни. Только пять лѣтъ продолжались его иноческіе подвиги, да и вся его жизнь была такъ непродолжительна, что онъ не достигъ даже зрѣлости возраста; за то вся она была прекрасна и исполнена добродѣтелей и совершенствъ духовныхъ. Въ бѣдственную эпоху кровавыхъ междоусобій, разнузданности и свирѣпства страстей, когда братъ брату кололъ глаза и ближайшіе родственники терзали другъ друга какъ дикіе звѣри; когда сила замѣняла законъ и правосудіе было въ рукахъ людей, подобныхъ Шемякѣ,—жизнь пр. Иоасафа была отраднымъ явленіемъ для тогдашняго общества. Это былъ свѣтлый лучъ солнца, и не надолго проглянувшій среди густаго мрака пороковъ и страстей тогдашняго вѣка, дорогой и желанный гость, на краткое время приходившій на землю и скоро опять возвратившійся къ братьямъ ангеламъ, въ свою небесную отчину. Спустя много лѣтъ по представленіи пр. Иоасафа, когда въ Спасокаменномъ монастырѣ начальствовали уже архимандриты, ⁹⁾ чудесныя исцѣленія, происходившія отъ св. мощей Иоасафа, побудили одного инока описать жизнь юнаго князя подвижника и предать потомству то, что онъ могъ узнать о ней отъ другихъ, «изъ многаго малое.» С писатель говоритъ, что при составленіи житія пр. Иоасафа, онъ пользовался сказаніемъ старца Паисія Ярослав-

9.) Первый архимандритъ на Каменномъ Иоасафѣ I упоминается около половины XVI вѣка.

вова, составленнымъ по памяти уже послѣ пожара Каменнаго монастыря, и записками неизвѣстнаго автора «нѣкако смутно, ово здѣ, ово индѣ и на многи части глаголавшаго чудодѣйствія святого.» Это описаніе жизни пр. Іоасафа довольно распространено и вошло во многія печатныя изданія, ¹⁰⁾ но оно не во всемъ подтверждается другими, извѣстными намъ нынѣ болѣе достовѣрными памятниками письменности, что въ прочемъ и не удивительно. Авторъ не былъ современникомъ и не видалъ преподобнаго, а писалъ по разсказамъ иноковъ, которые хорошо могли помнить подвиги преподобнаго въ монастырѣ, но не были знакомы съ тогдашними политическими обстоятельствами и мало знали о жизни Іоасафа до прибытія его на Каменный. Мы укажемъ на эти неточности и разнорѣчія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Преподобный Іоасафъ былъ сынъ Дмитрія Васильевича, владѣтельнаго князя Заозерскаго, одного изъ потомковъ св. Ѳеодора Ростиславича Чернаго, князя Смоленскаго и Ярославскаго. Правнукъ св. Ѳеодора Ярославскій князь Василій Васильевичъ, современникъ и сподвижникъ Донскаго на Куликовской битвѣ, оставилъ послѣ себя пятерыхъ сыновей: Іоанна, Ѳеодора, Симеона, Дмитрія и Воина. При раздѣлѣ братьями отцовскаго наслѣдія Симеонъ получилъ въ удѣлъ волость Новленскую, а Дмитрій земли около Кубенскаго озера. На сѣверномъ берегу его, неподалеку отъ устья рѣки Кубены, на возвышенной и красивой мѣстности, тамъ, гдѣ нынѣ среди деревни Чиркова—находятся каменная часовня, были терема и палаты князя Дмитрія Васильевича, по мѣсту жительства называвшагося Заозерскимъ. Предки его, князья ярославскаго дома, славилась благочестіемъ и набожностію, любили строить церкви и монастыри, уважали и по-

---

10.) Истор. російск. іерархія, (т. IV, стр. 331); Житія святыхъ Муравьева (Сент. 30-го); Вологод. епарх. вѣдомости 1871 г. №№ 1—11.

читали духовенство и сами нерѣдко постригались въ монашество. ¹¹⁾ Таковъ былъ и родитель пр. Іоасафа благовѣрный князь Димитрій Васильевичъ. Никто усерднѣе его не посѣщаль церкви, построенной имъ въ честь своего ангела, великомученика Димитрія, и находившейся неподалеку отъ его жительства, никто и не молился въ ней съ такимъ усердіемъ и слезами, какъ онъ. Князь какъ бы предчувствовалъ свою мученическую кончину и просилъ себѣ помощи на то у своего ангела-великомученика. Когда пр. Діонисій вознамѣрился на пустынныхъ берегахъ рѣчки Глушицы основать монастырь и послалъ къ нему инока просить въ томъ помощи, то князь не только съ радостію уступилъ землю подъ строеніа обители, но послалъ своихъ мастеровъ и рабочихъ для построенія церкви и келій и даровалъ братіи обильную милостыню. Въ то же время князь вспомошествовалъ и другому постриженнику Спасокаменнаго монастыря пр. Александру при устроеніи имъ обители на рѣчкѣ Куштѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста его жительства, — радуясь тому, что въ его владѣніяхъ являются такіе великіе подвижники и молитвенники. Супруга князя Марія не уступала ему въ дѣлахъ милосердія и благотворительности, она питала особенное уваженіе и вѣру къ пр. Александру, часто посѣщала его пустыню и, по смерти своего супруга, доставляла все необходимое для новоустроившейся обители. Тяжело было для Россіи тогдашнее время: народъ страдалъ то отъ недорода хлѣба и голода, то отъ мора и повѣтрія, то князья ссорились между собою и производили кровопролитія, часто приходили татары, жгли и грабили города и селенія, особенно въ мѣстахъ пограничныхъ. Впрочемъ Заозерскій князь въ своихъ отдаленныхъ владѣніяхъ, защищенныхъ непроходимыми лѣсами и болотами, не испытывалъ ничего подоб-

---

11.) Кромѣ родоначальника второй династіи князей ярославскихъ св. Ѳеодора Чернаго и внукъ его Василій Давыдовичъ скончался также въ схимѣ.

наго. Любимый и уважаемый сосѣдними князьями—братьями, равно и всѣми своими подданными, отъ души ему преданными,—онъ спокойно и счастливо проводилъ жизнь въ кругу своего семейства. У него было три сына: Симеонъ, Ѳеодоръ и Андрей и дочь Софья, служившіе ему утѣшеніемъ и радостію; Симеонъ былъ уже на возрастѣ, а Андрей новорожденнымъ младенцемъ. ¹²⁾

Но кому неизвѣстны непрочность и непостоянство счастья человѣческаго? Кто можетъ знать, что будетъ завтра? Въ 1429 году казанскіе татары внезапно напали на Кострому и Галичъ, затѣмъ разсыпавшись по окрестности, далеко распространили свои грабежи и убійства, сожигая селенія и уводя въ плѣнъ жителей. При первомъ извѣстіи о набѣгѣ татаръ князь Димитрій со своею дружиною немедленно отправился въ Ярославль для защиты своей отчины и дѣдины и палъ въ битвѣ съ невѣрными на Туговой горѣ. Но это было только началомъ тѣхъ тяжкихъ испытаній и несчастій, которыя надлежало перенести опротивѣлому княжескому семей-

---

12.) Въ рукописномъ житіи пр. Іоасафа, а оттуда и въ печатныхъ говорится, что князь Андрей былъ единственнымъ сыномъ Димитрія Васильевича, что онъ наследовалъ его княженіе, былъ женатъ лѣтъ 10, черезъ годъ лишился супруги и 12 лѣтъ пришелъ на Каменный. П. И. Савваитовъ добавляетъ еще къ этому, что князь Андрей женатъ былъ у князя Ивана Дѣя и взялъ въ приданое Кубену (извѣст. археол. общ. т. 2, стр. 10). Но по родословной книгѣ женатъ былъ князь Симеонъ, а Ѳеодоръ и Андрей умерли холостыми (Родосл. кн. стр. 58, 149, 232—234. Вологод. губери. вѣдом. 1843 г. № 17, 1844 № 26, 1846, № № 13—14); послѣдній жилъ всего только 17 лѣтъ, 12 въ мѣрѣ и 5 въ иночествѣ,—по свидѣтельству рукоп. житія Іоасафа но и это невѣрно. Со времени кончины князя Димитрія, убитаго татарами въ 1429 году, до кончины самого Іоасафа, послѣдовавшей въ 1453 году, прошло гораздо болѣе. Если Іоасафъ родился въ томъ же 1429 году, когда убитъ его отецъ, то и въ такомъ случаѣ ему было при кончинѣ 24 года и около 19 лѣтъ при постриженіи.

ству. Узнавъ объ удаленіи изъ дому князя съ дружиною, толпа грабителей сдѣлала нападеніе на собственныя его села и деревни, по берегамъ рѣки Кубены, предавая все огню и мечу. Благочестивая княгиня Марія встрѣтила внезапно разразившіяся надъ нею бѣдствія съ совершенною преданностію волю Божіей и съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ. Оказавши помощь раззореннымъ жителямъ, она обратила все свое вниманіе и всецѣло посвятила себя воспитанію малолѣтнихъ дѣтей своихъ, уча ихъ закону Божію и словомъ и собственнымъ примѣромъ. Когда старшій сынъ ея Симеонъ достигъ надлежащаго возраста, попечительная мать позаботилась найти ему достойную супругу, женила его у князя Ивана Дѣя, который далъ въ приданое за дочерью Кубену, чрезъ что значительно увеличались владѣнія князей Заозерскихъ. Дочь свою Софью Марія выдала за князя Димитрія Юрьевича Шемяку, думая, что родство съ богатымъ и сильнымъ княземъ галичскимъ будетъ полезно ея сыновьямъ, доставитъ имъ защиту и покровительство. Къ сожалѣнію вполнѣдствіи случилось совершенно наоборотъ. Меньше всѣхъ дѣтей удалось воспользоваться заботами матери и насладиться ея любовію и ласками тому, кто болѣе другихъ нуждался въ нихъ, именно меньшему сыну ея Андрею. Онъ остался послѣ отца груднымъ младенцемъ, а во время кончины матери находился еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Сдѣлавшись нездоровою и сердечно скорбя о положеніи своего дитяти, сердечнобольная мать посылаетъ къ пр. Александру Куштскому просить его молитвъ о своемъ выздоровленіи,—но блаженный пустычникъ, за двадцать дней предузнавъ ея кончину, отвѣчаетъ ей совѣтомъ готовиться къ вѣчности. Марія скончалась и была погребена въ Ярославлѣ въ родовой усыпальницѣ вмѣстѣ съ мужемъ. Юный Андрей остался круглымъ сиротою, но бодрствовалъ надъ нимъ Промыслъ Божій: Онъ велъ своего избранника къ предназначенной ему цѣли, невидимо руководя всѣми обстоятельствами и переменами въ его жизни.

Еще при жизни благочестивой матери, съ первыхъ дней развитія, онъ былъ налитанъ ею страхомъ Божиимъ и любовію къ благочестію, шести лѣтъ началъ онъ свое образованіе и скоро, научившись чтенію, предался изученію свящ. писанія, стараясь всегда проникать въ смыслъ читаемаго, усвоить и прилагать оное къ жизни. Въ ихъ богатомъ домѣ, при томъ согласіи и любви, какая была между братьями и по смерти матери, для юнаго князя не было бы недостатка ни въ забавахъ и развлеченіяхъ, ни въ сверстникахъ и товарищахъ для свойственныхъ его возрасту игръ и удовольствій,— но юный Андрей, и отъ природы всегда кроткій и молчаливый, осиротѣвши, еще болѣе сталъ задумчивъ и сдержанъ. Находя отраду и утѣшеніе только въ чтеніи свящ. книгъ, онъ сталъ удаляться общества и чувствовалъ отвращеніе къ мірской жизни. Такому настроенію духа юнаго князя много способствовали обстоятельства, постигшія семейство и совершенно измѣнившія его положеніе. Великій князь Василій Васильевичъ Темный, показавшій себя истинно великимъ, когда надобно было защитить и охранить Православіе отъ попытки Исидора ввести въ Россіи флорентинскую унію, не былъ таковымъ всегда и не имѣлъ на столько великодушія и сираведливости, чтобы за вину одного не гнѣваться на другихъ и не мстить родственникамъ своего врага, ни въ чемъ противъ него невиноватымъ. За то только, что сестра заозерскихъ князей Софья находилась въ супружествѣ съ Шемякою, в. князь въ 1447 г. отнялъ у заозерскихъ князей всѣ ихъ наслѣдственные и благопріобрѣтенныя вотчины и одну половину ихъ отдалъ можайскому князю Михаилу Андреичу, а другую брату его Ивану. Такимъ образомъ сыновья князя Димитрія перестали быть владѣтельными князьями заозерскими и потеряли все свое богатство и имѣніе. Этотъ поступокъ Темнаго слишкомъ тяжелъ былъ для князей Симеона и Θεодора и не могъ не возбуждать въ ихъ сердцѣ непріязненныхъ чувствъ къ в. князю,—князь же

Андрей, и прежде мало расположенный къ міру, теперь, когда міръ такъ несправедливо началъ гнать его отъ себя, рѣшился самъ оставить его. Въ поступкѣ в. князя онъ видѣлъ новое для себя доказательство непрочности земныхъ благъ и суетности мірской жизни, видѣлъ новое побужденіе немедленно приступить къ исполненію давно таившагося въ его сердцѣ желанія посвятить себя жизни иноческой, пріобрѣтенію благъ вѣчныхъ, которыхъ бы не могъ отнять у него никакой недругъ. Напрасно братья старались удержать его при себѣ, указывая на его молодость, со слезами просили не снѣшить произнесеніемъ роковаго обѣта,—юноша остался непреклоннымъ.

Въ то время, когда князь Андрей рѣшился удалиться изъ міра и посвятить себя иноческой жизни,—неподалеку отъ мѣста его жительства были уже монастыри Глушицкій и Куштскій, построенные при содѣйствіи его родителей и на землѣ имъ принадлежавшей. Но лучшимъ убѣжищемъ для молодаго князя, желавшаго порвать всѣ связи съ міромъ, представлялся древній Спасокаменный монастырь, отдѣленный отъ міра волнами бурнаго озера и славившійся строгостію устава и добродѣтельною жизнію своего игумена Кассіана, старца опытнаго и прозорливаго. Поэтому онъ отправился туда и сталъ просить игумена о принятіи его въ монастырь и о постриженіи въ иноческій чинъ. Игумень Кассіанъ, никому не отказывавшій въ постриженіи, не вдругъ однако согласился исполнить желаніе юноши. Молодость просителя, воспитаннаго въ нѣгѣ и роскоши, его высокое происхожденіе, а особенно отношеніе в. князя московскаго къ князьямъ заозерскимъ навѣвали думы на душу игумена и приводили въ сомнѣніе осторожнаго старца, опасавшагося, какъ бы за принятіе въ свой монастырь опальнаго князя, самому не подвергнуться гнѣву Темнаго и не лишиться его благоволенія. «Благовѣрный князь, отвѣчалъ онъ юному Андрею, монашество не единственный путь ко спасенію, можно спастись

и въ мірѣ. Твое мѣсто не здѣсь, а въ думѣ боярь или на полѣ брани. Служа вѣрно в. князю, ты не только не лишишься наслѣдія небеснаго, но можешь возвратить себѣ и отцевское.» Тогда юноша, какъ бы угадывая опасенія старца, сказалъ ему въ отвѣтъ: «отче, что напрасно смущаешься? Ничто не поколеблетъ моего намѣренія и не измѣнитъ моей рѣшимости посвятить себя иноческой жизни. Не отъ другихъ принимать услуги, а служить другимъ и нести крестъ свой по слѣдамъ Господа желаю я.» Тогда игумень, видя искреннее и твердое желаніе юноши, склонился на его прозбу и въ свою очередь началъ увѣщевать его, чтобы разъ принявши на себя иго Христово, онъ не поколебался бы потомъ мыслями о мірскомъ величій и прежнемъ своемъ богатствѣ, а твердо шелъ бы по пути, добровольно имъ избранному, и всегда готовъ бы былъ на всякій подвигъ. «Чадо, узкій путь иноческаго житія, о немъ же ты нынѣ просиши, да явить тебѣ—изнуреніе чрева, стояніе всенощное, мѣра въ питіи воды, недостатокъ хлѣба, насмѣшки и поруганія, отсѣченіе своей воли и безропотное перенесеніе несправедливыхъ и наглыхъ оскорбленій и обидъ. Гонимъ будучи—великодушно терпи, поносимъ и уничижаемъ—не гнѣвайся, осуждаемъ—смиряться. Отцемъ твоимъ пусть будетъ для тебя тотъ, кто можетъ и хочетъ вмѣстѣ съ тобою трудиться, чтобы снять съ тебя бремя грѣховъ. Матерью твоею да будетъ тебѣ сердечное сокрушеніе, могущее омыть тебя отъ нечистоты. Братомъ считай того, кто помогаетъ тебѣ въ путешествіи на небо и вмѣстѣ съ тобою подвизается въ томъ. Неразлучную при себѣ имѣй сожительницу—память смертную. Любезными чадами твоими да будутъ воздыханія сердечныя. Слугою имѣй свое тѣло, а друзьями умныя небесныя силы, которыя могутъ помочь тебѣ во время твоего исхода.» Мудрый старецъ съ перваго разу старался начертать юношѣ тотъ образецъ, къ которому онъ долженъ стремиться, нескрывая отъ него ни опасностей, ни искушеній, которымъ, подвергаются

иноки. Какъ псохшая земля впиваетъ въ себя дождевыя капли, такъ юный князь старался усвоить и запечатлѣть въ своемъ сердцѣ каждое слово наставника, обѣщаясь всѣми силами подвизаться подъ его руководствомъ. Игумень Кассіанъ, еще болѣе уверившись въ твердой рѣшимости юноши, не только принялъ его въ монастырь, но и сократилъ для него урочное время монашескаго искуса. Послѣ многихъ бесѣдъ и назиданій въ продолженіи нѣсколькихъ дней, игумень облекъ Андрея въ иночество, назвавши его при постриженіи Іоасафомъ, и поручилъ его руководству духовнаго старца Григорія. ¹³⁾ Мудрый наставникъ, нарекая юнаго князя именемъ индійскаго царевича, оставившаго царство для Христа, желалъ чтобы самое имя служило для новопостриженнаго прекраснымъ урокомъ и примѣромъ для подражанія; онъ и самъ часто навѣщая его училъ терпѣнію, послушанію, совершенному отсѣченію воли и непрестанному памятованію смерти и страшнаго суда.

Не напрасны были бесѣды богомудраго старца, сѣмя его ученія падало на добрую землю, блаженный князь-иннокъ запоминалъ всѣ наставленія своего руководителя, съ охотою и радостію выполнялъ свои иноческіе обѣты. Для новоначальныхъ монаховъ самая необходимая и главная добродѣтель—отсѣченіе своей воли и послушаніе старцу, это—первая ступень на пути къ иноческому совершенству, дающая цѣну всей дѣятельности подвижника; ибо и доброе дѣло, но совершенное самочинно, безъ воли и благословенія старца наставника, недобро. Особенно трудна эта добродѣтель для людей богатыхъ, военитанныхъ въ нѣгѣ и роскоши, привыкшихъ повелѣвать и начальствовать. Но блаженный князь Іоасафъ

13.) Рукописное житіе называетъ старца Григоріемъ и выдаетъ его за того, который былъ архіепископомъ въ Ростовѣ, но это несправедливо,—ибо тотъ былъ архіепископомъ уже съ 1395 года, а въ 1416 году преставился, когда Андрей еще не родился.

съ перваго дня вступленія своего въ монастырь настолько подчинилъ себя волѣ игумена и старца—наставника, такую оказывалъ имъ во всемъ преданность и послушаніе, что совершенно отрѣшился отъ своей воли и какъ бы заживо похоронилъ себя въ ихъ волѣ. Съ братією имѣлъ свиданіе только въ церкви, все же время посвящалъ или молитвѣ или чтенію отеческихъ писаній и размышленіямъ о вѣчности. Изнуренное постомъ лице его не высыхало отъ слезъ, которыя онъ постоянно проливалъ, представляя себѣ свою кончину и страшный судъ. Чтобы не нарушать монастырскаго устава и порядка, Іоасафъ ежедневно, по волѣ наставниковъ, ходилъ на трапезу вмѣстѣ съ братією, но соблюдалъ самый строгій постъ, едва касаясь предлагаемыхъ снѣдей. Гдѣ бы онъ ни былъ, въ церкви ли во время богослуженія, въ трапезѣ ли съ братією, или одинъ у себя въ кельѣ,—вездѣ держалъ себя съ одинаковымъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ бы предстоя предъ лицомъ самого Бога. Проникнутый живымъ сознаніемъ присутствія Божія, молодой инокъ всѣ свои думы и заботы, всѣ силы своей неиспорченной воли и неразвращеннаго сердца сосредоточивалъ на единственномъ стремленіи—какъ бы угодить всевѣдущему Богу.

Слишкомъ быстръ и рѣзокъ былъ для князя—юноши переходъ отъ власти и почестей своего званія къ смиренному послушничеству въ монастырѣ, отъ привольной и спокойной жизни въ роскошныхъ княжескихъ палатахъ—къ гѣсной и бѣдной кельѣ Каменнаго монастыря, къ скорбямъ и лишеніямъ иноческой жизни. Вмѣсто веселыхъ княжескихъ пировъ, изобильныхъ и вкусныхъ яствъ, онъ долженъ былъ изнурять себя «жаждою и алканіемъ, бѣднѣемъ и на земли лежаніемъ,» долженъ былъ «совокупляться купно съ братією на ночныя и дневныя молитвы и изливать отъ очію многи слезы.» Не одни непривычныя бѣднѣнія и пощенія ожидали князя. Добровольное удаленіе отъ человѣческаго общества, самопроизвольное обреченіе себя на жизнь уединенную, когда

человѣкъ постоянно остается одинокъ съ самимъ собою, со своими думами и стремленіями, опасеніями и страхами,—тяжело должно было дѣйствовать на молодого, впечатлительнаго инока. Самое мѣсто его подвиговъ—тѣсное, отовсюду окруженное водами, было таково, что невольно навѣвало тоску на душу и могло привести молодого человѣка въ уныніе. Какъ и не закратиться въ душу унынію, когда длинныя зимніе вечера однообразныя и скучныя тянутся какъ будто безконечною вереницею, снѣгъ заноситъ келью инока, а мятель его завѣваетъ,—когда порою громады льдовъ какъ стѣны окружаютъ пустынный островъ и надолго отдѣляютъ инока отъ остальнаго міра, или шумъ волнъ, ревъ и завываніе бури оглушаютъ его, бурныя и яростныя стихіи, кажется, совсѣмъ готовы уничтожить и островъ, и келью, и подвижника. Все это испыталъ, но все такъ же съ терпѣніемъ выдержалъ и перенесъ блаженный Иоасафъ, онъ даже радовался своей участи и говорилъ: се покой мой, здѣ вселюся! яко скры мя (Господь) въ селеніи Своемъ въ день золь моихъ, покры мя втайнѣ селеніи Своего, на камень вознесе мя. Отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріять мя (Псал. XXVI, 5, 10). Дивились братія, видя юнаго князя, воспитаннаго въ нѣгѣ и роскоши, добровольно пришедшимъ въ такую нищету и убожество и столь усердно подвизающимся на скорбномъ пути иночества, и смотрѣли на него какъ на ангела Божія. Блаженный же игумень Кассіанъ не могъ и нарадоваться успѣхамъ своего питомца въ духовной жизни, онъ напоминалъ ему долгъ новаго его званія, предостерегалъ отъ искушеній и воодушевлялъ на новые труды и подвиги. «Брате, о Немъ же изшелъ еси, о Томъ подвизайся, прилежно пекущися о своемъ спасеніи. Прежде же всего подобаетъ постризающимся не имѣти воли своя, но держати послушаніе и смиренномудріе, блюсти сердце свое отъ скверныхъ помышленій, братися съ тайными страстями, ждати приено часа смертнаго и страшнаго прещенія

огненнаго и пещиси о семъ прилежно. Подобаетъ чернцемъ, паче же юнымъ, со внутреннимъ храненіемъ и тѣлеснѣмъ трудиться, а не празднымъ быти.» Такъ съ отеческою любовію назидаль наставникъ юнаго инока, а ученикъ, слушая его слова, заливался слезами.

Чистота души и тѣла, отрѣшенность отъ всего земнаго, постоянное сосредоточеніе духа на предметахъ божественныхъ особенно отличали блаженнаго Іоасафа. Тѣломъ принадлежа землѣ, а духомъ паря въ небесахъ, подвижникъ еще на землѣ сподобился посѣщенія Господа Іисуса, святое имя Котораго постоянно было на его устахъ, чистый сердцемъ узрѣлъ Бога по обѣтованію Спасителя (Мѡ. V, 8). Разъ онъ пѣлъ псалмы въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ: «миръ тебѣ, возлюбленный угодникъ Мой Іоасафъ!» Усумнился было сначала юноша, неожиданно услышавши это привѣтствіе, но радостный трепеть сердца подсказаль ему, чей это голосъ и кто удостоиваетъ его своей бесѣды. Со страхомъ и благоговѣніемъ Іоасафъ отвѣчалъ: «се рабъ Твой, что судила о мнѣ благодать Твоя, Владыко?» Видиши ли, сказаль ему Господь, все пространство этой пустыни около озера, сколько ее въ длину и шприну? Тебя ради всю ее наполню пустынниками, славящими имя Мое.» Юный подвижникъ, падши на землю, смиренно спросилъ: «Господи, все повинуется крѣпкой рукѣ Твоей и все бываетъ, когда Ты хочешь, чтобы оно было; но молю Твою благодать, дай мнѣ уразумѣть, откуда придетъ все необходимое для подвижающихся въ пустынѣ?» Господь отвѣчалъ: «если обрѣту ихъ хранящими заповѣди Моя, и не заботящимися ни о чемъ житейскомъ, то Самъ о всемъ для нихъ промыслю.» Еще однажды вопрошу Твою благодать, сказаль Іоасафъ, какъ избѣгнуть они сѣтей вражнихъ и лютыхъ искушеній?» И опять услышалъ въ отвѣтъ Божественный голосъ: «если со смиреніемъ и кротостію будутъ соблюдать Мои заповѣли, не только сотворю ихъ превыше лукавыхъ навѣтовъ, но и

наслѣдникамъ вѣчныхъ жилищъ небеснаго царствія.» Блаженный Иоасафъ, въ простотѣ чистаго своего сердца въ тотъ же день разсказалъ объ этомъ откровеніи игумену. Пр. Касіанъ непреминулъ, по этому случаю, преподать ему полезныя совѣты и предостереженія относительно видѣній и чрезвычайныхъ откровеній, особенно увѣщевалъ его не превозноситься, указывая на примѣръ ап. Павла, который тѣмъ болѣе смирился, чѣмъ чаще и выше были откровенія, которыхъ онъ удостоивался. И не возмечталъ, не превознесся, но еще болѣе смирялъ себя блаженный юноша послѣ бывшаго ему откровенія.

По мѣрѣ того, какъ Иоасафъ, побѣждая постомъ тѣлесныя страсти и отражая нападенія врага крестнымъ знаменіемъ и непрестанною молитвою, возрасталъ и преуспѣвалъ въ духовной жизни, съ каждымъ днемъ восходилъ отъ силы въ силу, и врагъ рода человѣческаго диаволь вооружался на него болѣе и болѣе, готовилъ ему сильное и опасное искушеніе.—Родственнику Иоасафа ¹⁴⁾ удѣльному князю Борису Васильевичу Ржевскому искуситель внушилъ мнимо доброе намѣреніе посѣтить Иоасафа на Каменномъ и дать ему денегъ для того, чтобы онъ, вышедши изъ монастыря, могъ построить себѣ новый гдѣ-либо въ пустынѣ и быть въ немъ начальникомъ. Подвигся лукавымъ совѣтомъ князь Борисъ и направилъ свой путь на Кубенское озеро, заранѣе утѣшаясь тѣмъ, какое доброе дѣло онъ сдѣлаетъ и какъ обрадуетъ тѣмъ своего бѣднаго родственника. Казалось намѣреніе его немогло не быть пріятнымъ и самому Иоасафу, въ немъ юный подвижникъ могъ видѣть исполненіе обѣщаннаго ему

14.) Въ рукоп. житія пр. Иоасафа и у Муравьева князь Борисъ Ржевскій названъ дядей, братомъ отца Иоасафа, но по родословной книгѣ сыновья ярославскаго князя Василія Васильевича назывались: Иоаннъ, Феодоръ, Симеонъ, Дмитрій—отецъ Иоасафа и Воинъ, а Бориса не было. Исторія Ярославля, Троицкаго, 1853 года.

Господомъ умноженія монастырей и иноковъ около озера, но Господь открылъ блаженному предстоящее ему искушеніе врага обольстить его чрезъ родственника и лишить духовнаго спокойствія. Еще до прибытія князя Бориса въ монастырь пр. Иоасафъ возвѣстилъ о немъ игумену и просилъ у него благословенія не видаться до смерти ни съ кѣмъ изъ своихъ родственниковъ, чтобы не подвергнуться чрезъ нихъ какому либо искушенію. Но пр. Кассіанъ, никогда неопускавшій случая поучать молодыхъ монаховъ послушанію и отсѣченію своей воли съ одной стороны, съ другой—будучи увѣренъ въ твердости своего ученика, отвѣчалъ ему: «о пустынное воспитаніе и чадо послушанія! иди встрѣтить своего добраго родственника князя Бориса безъ всякаго сомнѣнія.» Повиновался иннокъ повѣленію старца и, увидѣвши подплывающую къ острову лодку, вышелъ на пристань и когда князь Борисъ, не зная его въ лице, сталъ спрашивать его объ инокѣ Иоасафѣ и рассказалъ о принесенномъ для него золотѣ, то блаженный отвѣчалъ ему: «христіолюбивый князь! намъ не нужны серебро и золото, когда искренно хотимъ жить въ пустынѣ; возвратись домой и раздай бѣднымъ сиротамъ и вдовицамъ то, что ты назначилъ для насъ, и получишь за то щедрую награду отъ Бога.» Удивился князь Борисъ такому безкорыстію и нестяжательности своего юнаго родственника, послушался его совѣта и съ миромъ возвратился домой.

Когда пр. Иоасафъ такъ побѣдоносно разрушилъ козни діавола, старавшагося возмутить покой его души чрезъ свиданіе съ родственникомъ и обольстить сребролюбіемъ,—неустоящій въ злобѣ и хитрости врагъ самую побѣду святаго хотѣлъ сдѣлать новымъ для него поводомъ къ искушенію и смиреніе блаженнаго подвижника поколебать и омрачить высокоуміемъ и гордостію. На обратномъ пути пр. Иоасафа въ свою келью лукавый искуситель безстыдно является ему, представляетъ изъ себя побѣжденнаго, изнемогшаго и рыдая

говорить: «горе мнѣ! не знаю, что дѣлать мнѣ съ тобою, Иоасафъ, Ты разрушаешь все мои хитрости, отступлюсь я отъ тебя навсегда и пойду бороться съ другими.» Блаженный, неслушая лукавыхъ и льстивыхъ словъ искушителя, прогнавъ его отъ себя знаменіемъ креста и молитвою. Видя же, сколь велики безстыдство и дерзость врага и какъ онъ, подобно рыкающему льву непрестанно ищетъ гибели человѣка, Иоасафъ началъ вести себя съ еще большимъ вниманіемъ и осторожностію. Полнѣе и цѣлостнѣе отрѣшаясь отъ всего земнаго и чувственнаго, онъ имѣлъ умъ и сердце всегда устремленными къ Богу, къ Нему возвышался онъ чистымъ своимъ духомъ въ непрестанной и пламенной молитвѣ.

Четыре года провелъ пр. Иоасафъ въ Спасокаменномъ монастырѣ, въ подвигахъ иноческихъ, не выходя изъ келыи далѣе церкви и трапезы; по мѣрѣ того, какъ онъ успивалъ свои труды, очищалось его умное зрѣніе, сердце его все болѣе и болѣе возгаралось любовію къ Богу, такъ что наконецъ молитва сдѣлалась для него уже не долгомъ, а необходимою потребностію души. На крыльяхъ ея онъ вознесенъ былъ однажды въ райскія селенія, гдѣ, подобно ап. Павлу, просвѣтленными очами духовными удостоился созерцать торжествующую церковь первородныхъ (Евр. XII 23), слышать глаголы, которыхъ не можетъ передать человѣческой языкъ, и причаститься невещественныя пищи. На немъ видимо исполнялись слова Спасителя: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ (Мѡ. IV, 4). Дѣйствительно, въ послѣдній годъ своей жизни онъ вкушалъ пищу только по воскреснымъ днямъ, послѣ пріобщенія святыхъ Таинъ, всю недѣлю пребывая въ постѣ. Что всего удивительнѣе, даже и столь строгая жизнь казалась ему слабою, онъ желалъ достигнуть всецѣлаго забвенія тѣлесныхъ потребностей и—большаго духовнаго совершенства, чтобы, подобно ангеламъ, непрестанно славить Господа. Блаженный Иоасафъ какъ бы предчувство-

валъ, что ему недолго остается жить на землѣ, торопился дѣлать добро и спѣшилъ собрать и вмѣстить въ себѣ все добродѣтели. Но такого необыкновеннаго воздержанія, непрестанныхъ бдѣній и трудовъ не выдержало его тѣло, здоровье его совершенно ослабѣло и разстроилось и онъ впалъ въ продолжительную и столь тяжкую болѣзнь, что не могъ встать съ мѣста и выйти изъ кельи. Умилятельно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ и великодушіемъ юный страдалецъ переносилъ свой недугъ, съ какою искреннею радостію и усердною благодарностію къ Богу онъ смотрѣлъ на свои страданія, какъ на великую милость и отеческое посѣщеніе Божіе. «Благо сотворилъ еси съ рабомъ Твоимъ, Господи шепталъ онъ лежа на одрѣ. Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ» (Исал. СХVІІІ, 65, 71). Когда игуменъ и братія, движимые любовію и состраданіемъ, старались помочь ему и предлагали различныя средства и совѣты для облегченія его страданій, онъ объ одномъ только усердно просилъ ихъ и даже заклиналъ именемъ Божіимъ, чтобы не дѣлали ему никакихъ послабленій и чтобы не было нарушено для него ни одно правило монастырскаго устава, но чтобы и впредь сохранили въ монастырѣ самое строгое общежитіе. При малѣйшемъ облегченіи болѣзни, перемогая себя, онъ приходилъ въ церковь къ каждому богослуженію. Къ концу пятаго года пребыванія въ монастырѣ, болѣзнь до того ослабила и измучила его, что блаженный какъ ни усиливался, не могъ самъ выходить изъ кельи. По всему видно было, что жизнь въ немъ догарала и дни его уже были сочтены; но и теперь, при самыхъ сильныхъ страданіяхъ, не стоны и жалобы, а молитвы и благодаренія слышались изъ устъ его. Когда наступилъ праздникъ Рождества Богородицы, онъ велѣлъ вести себя въ церковь къ божественной литургіи, чтобы въ послѣдній разъ приобщиться святыхъ Таинъ, и по возвращеніи въ калю не вставалъ уже болѣе съ одра болѣзни, съ каж-

дымъ часомъ дѣлаясь все слабѣе и слабѣе. Въ послѣдніе дни игумень и братія, искренно его любившіе почти неотходили отъ него. Не принесъ съ собою въ монастырь Іоасафъ никакого имѣнія и богатства, чтобы украсить храмъ или улучшить содержаніе братіи, не былъ въ монастырѣ ни начальникомъ, ни распорядителемъ, да и жилъ недолго; но все настолько были ему преданы и такъ скорбѣли о разлученіи съ нимъ, что если бы было возможно, готовы были умереть за него. Обливаясь слезами, они говорили умирающему: «оставляешь ты насъ, братъ возлюбленный, и отходишь къ Господу. На кого ты покидаешь насъ, кто намъ замѣнитъ тебя? Безъ тебя многіе изъ насъ оставятъ монастырь и разбредутся по разнымъ мѣстамъ.» Уже не вставая съ одра слабымъ, прерывающимся голосомъ отвѣчалъ имъ умирающій: «простите, братія, мнѣ приспѣло время почить, предаю васъ Богу и пречистой Дѣвѣ Богородицѣ, да сохранятъ васъ отъ всякихъ искушеній, Кассіанъ же игумень да будетъ вамъ наставникомъ ко спасенію и восполнить все ваши недостатки.» Онъ увѣщевалъ и просилъ ихъ, чтобы они жили согласно, чтобы не было между ними никакихъ ссоръ и раздоровъ, о чемъ и ранѣе всегда заботился. Наступили послѣднія минуты жизни пр. Іоасафа. Плачущая братія стали подходить къ нему прощаться, онъ каждаго изъ нихъ обнималъ и цѣловалъ, у каждаго просилъ себѣ прощенія и молитвъ, потомъ велѣлъ одному иноку читать канонъ на исходъ души. По прочтеніи канона преподобный, приподнявшись съ одра, самъ взялъ кадильницу съ оиміамомъ и подавши игумену просилъ окадить все иконы въ кельѣ и предстоявшихъ, затѣмъ произнесъ послѣднюю молитву къ Богу и пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, прося ихъ о себѣ самомъ, о пріютившей его обители, о братіи, о сродныхъ ему князьяхъ и о всѣхъ православныхъ. Едва только кончилъ онъ молитву и снова прилегъ на одръ, какъ чистая и святая душа его безболѣзненно и тихо оставила измуренное тѣло и отлетѣла къ Богу. Это было

10 Сентября 1453 года. ¹⁵⁾ Хотя продолжительная и тяжелая болѣзнь пр. Иоасафа и изсушила его тѣло, но лице его было свѣтло и весело, такъ что онъ казался не умершимъ, а какъ бы сладко заснувшимъ.

Плачь и рыданіе раздались въ кельѣ преподобнаго; по его смерти, и огласили весь монастырь и островъ Каменный. Всѣ искренно желѣли и скорбѣли о разлученіи съ пр. Иоасафомъ и не скоро могли удержаться отъ слезъ и рыданій, чтобы приступить къ омовенію и облаченію его тѣла по уставу монастырскому. Игумень Кассіанъ со старшею братією, съ подобающею честію и псалмопѣніемъ, на головахъ перенесли тѣло почившаго изъ кельи въ соборный храмъ Преображенія; когда же стали совершать надгробное пѣніе, то едва могли кончить его отъ сердечной жалости, слезъ и рыданій. Всѣ имѣли къ нему такую любовь и уваженіе и столько были увѣрены въ его святости, что не захотѣли никогда разставаться съ нимъ и рѣшились не предавать тѣла его обычному погребенію въ землѣ, а съ благоговѣніемъ, какъ святыню, перенесли въ теплую церковь Успенія Богородицы и поставили его предъ иконос-

---

15) Въ рукоп. житіи годъ кончины пр. Иоасафа не означенъ. Въ Исторіи росс. іерархіи (т. IV, ошибки стр. 11) кончина его показана въ 1458 г., въ Вологод. епарх. вѣд. (1871 г. № 1—10) въ описаніи Каменнаго монастыря Н. Суворова—въ 1457 г., что будетъ одно и то же, такъ какъ въ одномъ случаѣ принятъ годъ Мартовскій, въ другомъ Сентябрскій. Но въ житіяхъ святыхъ Муравьева (Сент. стр. 195), Филарета (Сент. стр. 44 и 49), въ разсказахъ гр. Толстаго (кн. 3, стр. 51), кончина пр. Иоасафа отнесена къ 10 Сентября 1453 г., какъ по нашему мнѣнію, и должно быть. Извѣстно изъ житія преп. Иоасафа, что онъ скончался въ юношескомъ возрастѣ, а если отнести кончину его къ 1457 году, то ему будетъ около 30 лѣтъ, такъ какъ отецъ его былъ убитъ въ 1429 г., а Иоасафъ родился еще когда онъ былъ живъ. Въ 1447 г. Заозерье было отнято у дѣтей князя Дмитрія и отдано князьямъ Можайскимъ. Прибавимъ къ этому пять лѣтъ иночества Иоасафова, полагая, что онъ постригся вскорѣ послѣ отнятія вотчинъ, и опять будетъ 1453, а не 1457 или 58 годъ.

тасомъ у правой стѣны, чтобы всегда имѣть его предъ своими глазами и подражать святому его житію. Хотя и не единственныйъ въ исторіи, но весьма рѣдкій примѣръ любви и уваженія къ умершему его современниковъ!

Не обманулась братія, не скрывши въ землѣ своего со-кровища. Услышавши о преставленіи пр. Іоасафа, множество народа собралось въ монастырь къ его погребенію и многіе больные тогда же получили исцѣленіе отъ прикосновенія къ его гробу. Съ того времени отъ нетлѣнныхъ мощей его, какъ отъ неисчерпаемаго источника, потекли благодатныя чудеса и исцѣленія всѣмъ съ вѣрою къ нему притекавшимъ. Особенно много было лицъ, получавшихъ исцѣленіе отъ лихорадки, или, по выраженію жизнеописателя, отъ студенаго недуга трясавицы, такъ какъ эта болѣзнь часто появлялась и сильно изнуряла народъ въ окрестныхъ селеніяхъ. По причинѣ пожара, истребившаго всѣ монастырскіе акты и записи, неизвѣстно, были ли записываемы къмъ въ монастырѣ чудеса, преподобнаго или нѣтъ. Во время этого пожара (3 Сентября 1472 года) не только выгорѣлъ весь монастырь, но то отъ огня, то отъ страшно бушевавшаго тогда озера, погибло много народу, сгорѣли и мощи преподобнаго, около 20 лѣтъ нетлѣнно почивавшія въ Успенской церкви. Остатки ихъ были собраны, вложены въ ковчегъ и поставлены въ церкви подъ престоломъ, ¹⁶⁾ но и тогда отъ нихъ не переставали происходить исцѣленія. Чтобы доставить множеству приходившихъ богомольцевъ возможность прикладываться къ мощамъ, часть ихъ по прошествіи нѣкотораго времени, вложена была въ трирядный крестъ, обложенный серебромъ, и поставлена въ церкви. Въ 1650 году, по благословенію Маркелла архіепископа вологодскаго и великопермскаго, при архимандритѣ Маркеллѣ же устроена была гробница въ каменной Преображенской

---

16) Остатки мощей были собраны и положены въ ковчегъ старцемъ Мартиніаномъ Сокольниковымъ родомъ съ Ухтыги.

церкви у южныхъ вратъ возлѣ стѣны, въ нее перенесены были изъ подъ престола мощи пр. Іоасафа, а также и всѣ остальные части мощей его, крестъ же съ мощами положенъ вверху ея, на образѣ. Послѣ пожара 24 Юля 1774 г., когда Каменный монастырь былъ закрытъ, а братство переведено въ вологодскій Духовъ монастырь, названный съ этого времени Спасокаменнымъ, сюда же были перенесены и мощи пр. Іоасафа, спасенныя отъ пламени. Нынѣ онѣ находятся въ нижней теплой церкви, противъ гробницы преподобно мученика Галактіона, на правой рукѣ, въ металлической гробницѣ, подъ балдахинномъ, а крестъ съ мощами прикрѣпленъ къ ризѣ иконы, покрывающей гробницу.

Пожаръ Каменнаго монастыря 1472 года, истребившій успенскую перковь, въ которой почивали мощи пр. Іоасафа «со всѣми узорочьи, съ чудными иконами, книгами и казною,» и причинившій смерть многимъ инокамъ, --- лишилъ насъ извѣстій о чудесахъ, происходившихъ до того времени отъ мощей преподобнаго. Уже въ то время, когда останки ихъ, собранныя въ ковчегъ и скрытыя подъ престоломъ, какъ бы въ утѣшеніе пострадавшей обители, снова начали источать исцѣленія и отовсюду потекли на Каменный богѣмольцы и недужные, --- одному благочестивому иноку изъ клириковъ пришло на мысль составить службу и написать житіе чудотворца, присовокупивъ къ нему и нѣсколько чудесъ его, которыхъ онъ или былъ очевидцемъ или слышалъ достоверно отъ другихъ. Такъ онъ упоминаетъ объ одномъ чудѣ, бывшемъ еще при управленіи монастыремъ игуменами, объ исцѣленіи нѣкоего Тимоѳея, долго страдавшаго лихорадкою, которая столько его изнурила, что онъ уже не могъ принимать пищи, отчаялся въ жизни и съ часу на часъ ожидалъ смерти. Какъ очевидецъ, авторъ подробно описываетъ исцѣленіе Романа, сына дорогобужскаго князя Димитрія ¹⁷⁾, родившагося нѣмымъ.

17) Въ рукоп. житіи пр. Іоасафа Романаъ названъ Димитріевичемъ, Муравьевъ называетъ отца Романа Іосифомъ, а Филаретъ Олегомъ.

Нѣмой князь Романъ, въ дѣтствѣ лишившійся родителей, воспитываемъ былъ въ монастырѣ бабкою своею инокинею— княжной Анной. Она, услышавши о чудесахъ, происходящихъ отъ мощей пр. Іоасафа, послала внука въ Спасокаменный монастырь со множествомъ слугъ и съ богатою милостынею для братіи, сама же, во все время путешествія внука, молилась, призывая на помощь преподобнаго, кормила нищихъ и посылала милостыню по церквамъ. Каменскій архимандритъ, съ подобающею честію встрѣтивъ князя и введши въ церковь поставилъ его близь раки преподобнаго, самъ же сталъ служить для него молебень съ водосвѣтіемъ. Нѣмой князь со слезами молился во все время молебна и когда, по окончаніи его, приложился къ мощамъ преподобнаго и испилъ освященной воды, тотчасъ же началъ говорить такъ ясно и чисто, какъ будто бы никогда не былъ нѣмымъ, а ему было тогда уже 15 лѣтъ отъ роду. Это чудо столько удивило и обрадовало всѣхъ, находившихся въ церкви, что архимандритъ велѣлъ звонить во все колокола. Собралось множество народа изъ Вологды и окрестныхъ мѣстъ и все прославили Бога и угодника Его пр. Іоасафа. Настоятель велѣлъ князю Роману еще три дня оставаться въ обители и отпуская далъ ему на дорогу освященной при мощахъ воды. Затѣмъ, кромѣ записанныхъ въ сказаніи еще трехъ чудесъ, — исцѣленія Маріи, женщины изъ богатаго дому, много лѣтъ бывшей совершенно слѣпой и внезапно прозрѣвшей у раки преподобнаго; крестьянина Ивана деревни Чиркова, мучимаго бѣсомъ, и — юноши Самсона, находившагося въ помѣшательствѣ ума, въ похвальномъ словѣ пр. Іоасафу авторъ дѣлаетъ указанія еще на нѣкоторые другіе случаи проявленія дѣйствовавшей въ немъ благодати Божіей. «Радуйся, говоритъ благочестивый клирикъ въ своемъ воззваніи къ пр. Іоасафу, радуйся, яко при животѣ твоёмъ нѣкоего инока о сребрѣ, данномъ на сооруженіе твоея обители отъ раскаянія спаслъ еси, и милостиво наказуя его несогрѣшати ктому, благодатію Божіею прозрѣніе ему

дароваль еси. Радуйся, яко по представленіи твоємъ къ Богу, писателя бывша въ недоумѣніи о твоємъ добродѣтельномъ житіи, ты явленіемъ своимъ вмѣстѣ съ наставникомъ твоимъ игуменомъ Кассіаномъ, увѣрилъ еси. Радуйся, яко о невѣдомой тайнѣ столпа, философа мнѣніемъ превозносящагося посрамилъ еси, и Божію суду того предалъ еси.

